

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.2.7>

UDC 903.5(470.638)
LBC 63.442.7(235.7)

Submitted: 20.09.2023
Accepted: 16.01.2024

NEWLY DISCOVERED SARMATIAN BURIAL COMPLEXES FROM THE KURGAN IN THE CAUCASIAN MINERAL WATERS REGION¹

Yakov B. Berezin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Aleksei A. Kalmykov

Independent Researcher, Stavropol, Russian Federation

Abstract. In 2010, the expedition of the Nasledie State Unitary Enterprise (Stavropol) conducted archaeological excavations on the territory of the Caucasian Mineral Waters and excavated the kurgan 1 of the Voniuchka-1 kurgan cemetery near the city of Pyatigorsk. The kurgan originated in the Eneolithic era; its construction and use as a cemetery continued up to the Early and Middle Bronze Ages. The most extensive changes in the kurgan are associated with the North Caucasian archaeological culture. The Sarmatian burials of the early Iron Age became the final ones in the kurgan; this study is devoted to their material publication and analysis. Single burials and grave goods (probably the remains of a funeral feast) were compactly located in the central part of the kurgan. The burial rite and the inventory are described in detail and examined in the system of both chronologically close Sarmatian newcomers and Pre-Caucasus aboriginal monuments. In general, the funeral rite of the published burials is quite uniform and corresponds to the canons of the pre-Caucasian Sarmatian kurgans. The burials and the cluster are chronologically close to each other, and the inventory found in them has numerous analogies among the synchronous sites of the Pre-Caucasus. At the same time, some details of the funeral rite, in particular the discovery of three left front legs of sheep in two burials, together with a number of other facts, indicate a kinship relationship between the buried. The Sarmatian burials in kurgan 1 of the Voniuchka-1 cemetery can be considered a small ancestral cemetery created, most likely, during the lifetime of one generation. The general dating of the burials and the accompanying funeral feast fits into the framework of the 3rd (possibly 2nd) – 1st centuries BC. There is a high probability of their connection with the Sirak tribal union, and this cemetery is located on the southern border of the territory occupied by it.

Key words: Pre-Caucasus, Caucasian Mineral Waters, early Iron Age, Sarmatians, kurgan, burial, grave goods.

Citation. Berezin Ya.B., Kalmykov A.A., 2024. Novye pogrebal'nye komplekсы sarmatskogo vremeni iz kurgana na Kavkazskikh Mineral'nykh Vodah [Newly Discovered Sarmatian Burial Complexes from the Kurgan in the Caucasian Mineral Waters Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 2, pp. 137-160. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.2.7>

УДК 903.5(470.638)
ББК 63.442.7(235.7)

Дата поступления статьи: 20.09.2023
Дата принятия статьи: 16.01.2024

НОВЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНА НА КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ¹

Яков Борисович Березин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Алексей Анатольевич Калмыков

Независимый исследователь, г. Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. В 2010 г. экспедицией ГУП «Наследие» (г. Ставрополь) на Кавказских Минеральных Водах, недалеко от г. Пятигорска, был раскопан курган 1 могильника Вонючка-1. Курган возник в эпоху энеолита, его строительство и использование в качестве кладбища продолжились в эпохи ранней и средней бронзы. Наиболее масштабные изменения кургана связаны с северокавказской археологической культурой. Финальными в кургане стали сарматские захоронения раннего железного века, публикации и анализу которых посвящена данная работа. Погребения одиночные, вместе со связанным с ним скоплением предметов (вероятно, остатками тризны) компактно располагались в центральной части кургана. Обряд захоронений и находки подробно описаны и рассмотрены в системе окружающих их хронологически близких как пришлых (сарматских), так и аборигенных памятников Предкавказья. В целом погребальный обряд довольно единообразный и соответствует канонам предкавказских сарматских курганных погребений. Погребения и скопление хронологически близки между собой, а обнаруженный в них инвентарь имеет многочисленные аналогии среди синхронных памятников Предкавказья. При этом некоторые детали обряда, в частности обнаружение в двух погребениях трех левых передних ног овец, в совокупности с рядом других фактов указывают на родственную связь погребенных. Сарматские захоронения в кургане 1 могильника Вонючка-1 можно рассматривать как небольшое родовое кладбище, созданное, скорее всего, при жизни одного поколения. Общая датировка захоронений и сопутствующей им тризны укладывается в рамки III (возможно, II) – I вв. до н.э. Высока вероятность их связи с сиракским племенным союзом, причем расположено данное кладбище на южной границе занимаемой им территории.

Ключевые слова: Предкавказье, Кавказские Минеральные Воды, ранний железный век, сарматы, курган, погребение, погребальный инвентарь.

Цитирование. Березин Я. Б., Калмыков А. А., 2024. Новые погребальные комплексы сарматского времени из кургана на Кавказских Минеральных Водах // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 2. С. 137–160. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.2.7>

Введение

В ноябре – декабре 2010 г. экспедицией ГУП «Наследие» министерства культуры Ставропольского края под руководством и при непосредственном участии обоих авторов данной статьи был раскопан курган 1 могильника Вонючка-1. Могильник состоял из двух курганов, расположенных на Кавказских Минеральных Водах, недалеко от г. Пятигорска и всего в двух километрах от хорошо известного в археологической литературе по бронзовой эпохе Константиновского плато (рис. 1).

Курган создавался в течение длительного времени, его наземная часть состояла из трех насыпей и каменного кромлеха-крепиды [Калмыков, 2010] (рис. 2, 1). Первая, чисто грунтовая, насыпь (высота – 0,6 м, диаметр – 12–13 м) была возведена над захоронением в катакомбе (погр. 8) в эпоху энеолита. Вход в погребальную камеру был заложен камнями. Покойная (женщина 25–35 лет) располагалась в скорченном на спине положении, головой на ВЮВ. На черепе имелись следы прижизнен-

ной трепанации. В качестве заупокойных даров в могилу были помещены кремневая ножевидная пластина, обсидиановый скребок, пест из речной гальки и небольшой керамический сосуд оригинальной формы. В процессе погребальной церемонии в значительном количестве была использована охра. Радиоуглеродная дата погребения, полученная в лаборатории Мангейма по кости человека, указывает на последнюю четверть V тыс. до н.э.: MAMS-21327 BP 5314 ± 21, BC cal 4232–4053 (2σ) [Gresky et al., 2016; Корневский и др., 2019, с. 161–163].

Основное погребение для второй насыпи (погр. 9) оказалось практически полностью разрушено грабителями. Его культурная принадлежность и хронологическая позиция в рамках эпохи ранней – средней бронзы остались неизвестными. Высота кургана после возведения насыпи II достигла 1,5 м, диаметр – 19 м.

Наиболее масштабно курган изменился в период средней бронзы, когда были совершены погребения 2, 6, 7 и 10 (все – северокавказской археологической культуры), возве-

дена третья насыпь, сооружен кромлех-крепида, а курган приобрел законченный вид (максимальная сохранившаяся высота – 2 м, диаметр – 30 м). На финальном этапе эпохи средней бронзы / начальном этапе позднего бронзового века в курган было впущено погребение 1, относящееся к невинномысской культуре эпохи бронзы.

Последний этап функционирования кургана в качестве кладбища связан с сарматами. Публикации и анализу совершенных ими захоронений и помещенных в курган предметов посвящена данная статья.

Материалы и методы

Всего в кургане было три сарматских захоронения – погребения 3, 4 и 5, а также немогильный комплекс находок, обозначенный как скопление 1. Все погребения и скопление располагались компактно на участке размером 5,5 × 3,5 м в центральной части кургана (рис. 2,2). Никаких следов строительства, связанного с этими комплексами, в кургане не было. С довольно высокой долей вероятности можно предполагать, что в сарматскую эпоху в курган попала и каменная зернотерка (отдельная находка 2), обнаруженная рядом с сарматскими комплексами. Однако данная находка в статье не рассматривается, поскольку твердой уверенности в правильности этого предположения нет.

Скопление 1 было обнаружено во время расчистки камней в центральной части кургана. Состояло из костяного предмета (находка 1) и 10 фрагментов керамики (находка 2). Камни и артефакты располагались на небольшой глубине, сразу под дерном. Фрагменты керамики были беспорядочно разбросаны на пространстве 0,7 × 0,5 м. С запада скопление ограничивал крупный камень, у северного окончания которого был найден костяной предмет (рис. 3,1). Их появление в месте обнаружения могло быть связано с грабительской ямой, или, что более вероятно, они являлись остатками тризны, совершенной на поверхности кургана, на месте сарматских захоронений.

1. Предмет костяной сделан из продольного скола крупной кости животного. Большая часть поверхности кости обработана. Один

конец, имеющий свежий слом, обточен до овального в сечении стержня. Посередине предмета с двух сторон, почти напротив друг друга, выточены полукруглые углубления. Обработанная поверхность покрыта короткими неглубокими царапинами, направленными поперечно изделию (рис. 3,2). Длина предмета – 8,5 см, максимальная ширина – 2,0 см, толщина – 1,35 см.

2. Фрагменты керамики происходят от двух сосудов. Большинство фрагментов (7 шт., находились в южной части скопления) принадлежали горшку, сделанному с применением поворотного устройства (рис. 3,6–10). Горшок бесшейный, с широкой горловиной и широким массивным венчиком, отогнутым наружу. По внешнему краю венчик украшен наклонными линейными вдавлениями различной частоты. Тулово его широкое, с максимальным расширением в верхней части. Поверхность фрагментов заглаженная, темно-коричневого цвета, частично покрыта сажей. В тесте имеется заметная примесь шамота и мелкозернистого песка. Сохранившаяся высота сосуда – 10,0 см, реконструированный диаметр венчика – 21,8 см, диаметр тулова – 23,4 см.

Ко второму сосуду относились три фрагмента, найденные в северной части скопления. Они происходят от горловины (4,2 × 3,3 см), плечиков с частью шейки (7,9 × 3,8 см) и тулова (5,0 × 3,4 см) (рис. 3,3–5). Сосуд был сделан с применением поворотного устройства из хорошо отмученной глины с добавлением дресвы и мелкозернистого песка. Внешняя поверхность серо-коричневого цвета, залощена. Горловина дугообразная. Тулово орнаментировано вдавленными линиями: горизонтальный поясок из двух линий на плечиках (?), ниже которого нанесены параллельные наклонные линии. Толщина фрагментов – 0,8 см.

Обнаруженный в скоплении 1 горшок (рис. 3,6–10) относится к типу, широко распространенному в Центральном Предкавказье в последние века до н.э. [Охонько, 1988, рис. 6,1,16–20; Березин, Колесниченко, 2009, с. 53, рис. 1]. Их находки связаны с бытовыми памятниками, в погребениях горшки встречаются редко [Абрамова, 1993, с. 53]. Хронология подобного типа посуды разработана слабо. Есть информация об аналогичных на-

ходках в сарматском курганном могильнике Кохтебе 2 (Северный Дагестан), датирующемся II – началом III в. н.э. [Малашев, 2016, с. 44, рис. 23,2].

Форма второго сосуда (рис. 3,3–5) не реконструируется. Орнамент, скорее всего, представляет собой так называемые «полотенца», широко используемые на различных типах сосудов (кувшины, корчаги, кружки, горшки) сарматского времени [Абрамова, 1993, рис. 8–9, 11, 13]. Это подтверждает сарматскую атрибуцию и синхронность керамических находок в скоплении 1, а связь горшка преимущественно с бытовыми памятниками указывает скорее на поминальный характер происхождения данного комплекса.

Погребение 3. От погребальной конструкции удалось проследить только придонную часть глубиной около 0,15 м. Она была выкопана в насыпи II, в сохранившемся виде представляла собой яму вытянутой подпрямоугольной с закругленными углами и зауженной западной половиной формы. Длинной осью ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. Реконструированная длина – около 2 м, ширина восточной половины – 0,85 м, к западному краю она плавно уменьшалась до 0,65 м. Дно слегка понижалось от южной продольной стенки к северной (рис. 4,1).

Индивид (20–29 лет, пол скорее женский²) был погребен в вытянутом на спине положении, головой на ЗЮЗ. Руки положены вдоль туловища, кисти располагались на дне могилы около тазобедренных суставов. Ноги вытянуты по оси тела параллельно друг другу.

Под скелетом и вокруг него по дну ямы расчищены остатки многослойной подстилки, состоявшей из посыпанного на дно мела и положенных сверху него прутьев, перекрытых органическим тленом коричневого цвета. Прутья сохранились в виде отпечатков, направленных продольно по отношению к длине могилы и положению индивида. В заполнении северо-восточной части ямы и около середины западной стенки, в нескольких сантиметрах над дном и костями, расчищены остатки деревянных плах, возможно, являвшихся частью рухнувшего в заполнение перекрытия могилы. Судя по направлению древесных волокон (ЗЮЗ–ВСВ), перекрытие было продольным.

Погребальный инвентарь состоял из костных остатков напутственной пищи и нескольких предметов, найденных около черепа индивида. У левой скулы, с севера от черепа, лежал крупный фрагмент бронзового зеркала (находка 1). На грудной клетке, около шейных позвонков, обнаружены три стеклянные бусины (находка 3). За головой, вдоль западной стенки погребения, лежали кости мелкого рогатого скота, под ними – железный нож, обращенный острием на запад (находка 2). Кости животных принадлежали овцам³ и происходили от трех левых передних ног. Две из них, отсеченные вместе с лопаточной частью, были положены на дно могилы распрямленными, одна возле другой, лопатками на ЮВ. Фрагменты костей третьей ноги и ребро найдены рядом, в заполнении. Очевидно, они были перемещены землеройными животными.

1. Фрагмент (11,5 × 8,8 см) от круглого зеркала с широким уплощенным валиком по внешнему краю тыльной стороны (рис. 4,2). In situ фрагмент лежал тыльной стороной вверх. Реконструированный диаметр зеркала – около 15 см, толщина диска вместе с валиком – 0,45 см.

2. Нож железный черешковый, однолезвийный. Лезвие прямое, спинка слегка изогнута. Конец черешка обломан, на поверхности сохранились остатки деревянной рукояти (рис. 4,3). Сохранившаяся длина ножа – 8,9 см, в том числе клинка – 6,3 см.

3. Бусы стеклянные, 3 шт. Первоначальный цвет из-за иридизации не устанавливается (рис. 4,4). Одна бусина усеченно-биконической формы (диаметр – 0,7 см, длина – 0,35 см, диаметр отверстия – 0,25 см), две, сходные между собой по размерам, – поперечно сжатой бочковидной формы со сглаженным ребром по центру (0,7 × 0,6 см, диаметр отверстия – 0,3 см).

Наиболее информативным для датировки предметом в составе погребального инвентаря погребения 4 является бронзовое зеркало (рис. 4,2). Это самая распространенная в сарматском мире разновидность зеркал, тип IV по А.М. Хазанову, который определил время ее бытования в рамках IV в. до н.э. – I в. н.э. [Хазанов, 1963, рис. 1]. Более поздние исследования позволили существенно уточнить хронологический интервал использования

зеркал типа «Хазанов-IV». Так, для территории Прикубанья И.И. Марченко определяет время их бытования III – началом I в. до н.э. [Марченко, 1996, с. 21, 223, рис. 4]. По его классификации это тип VII. Так же датировала зеркала с валиком по краю и ручкой-штырем М.П. Абрамова, определяя их как тип 1 своей классификации [Абрамова, 1993, с. 93, рис. 31, 1–22]. Остальные предметы найденного инвентаря имеют очень широкий интервал бытования и не могут уточнить данную дату.

Погребение 4. Конструкция погребения до конца осталась не ясна. Скорее всего, это была так называемая «языковидная» катакомба (тип 2 по К.Ф. Смирнову [Смирнов, 1972, с. 74–75, рис. 1]), входную яму которой в насыпи кургана проследить не удалось. Сохранилась только придонная часть камеры. В плане она была вытянутой подпрямоугольной формы, в длину ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Углы скруглены, стенки невысокие, по большей части периметра высотой 0,2–0,4 м, к дну переходили плавным скруглением. Размеры камеры по дну – 2,5 × 1,0 м. В правильности определения сохранившейся части могилы в качестве погребальной камеры убеждает, прежде всего, участок свода высотой 0,5 м, прослеженный в центре западной продольной стенки, а также резко наклонное с СВ на ЮЗ (от ног к голове погребенного) дно (рис. 5).

Захоронение сильно потревожено при сооружении более позднего погребения 5. *In situ* остались только кости ног, лежавшие параллельно друг другу и центральной оси камеры. Кости туловища и рук были перемешаны и беспорядочно свалены в южной части камеры. Череп лежал в юго-западном углу на затылочной части. Сверху навал костей частично перекрывали керамические сосуды из погребения 5. Судя по расположению костей, индивид (40–49 лет, мужского пола) был похоронен в вытянутом на спине положении, головой на ЮЗ. Каких-либо тленов или пигментов, за исключением небольших фрагментов древесного тлена (остатки заклада входа), найденных в заполнении у стоп скелета, в могиле не было.

Выявленные палеоантропологом особенности посткраниального скелета мужчины позволяют характеризовать его как всадни-

ка, правшу, часто с усилием отводившего правую руку вверх и назад. У индивида был заживший перелом носовых костей и сильный артроз левого височно-нижнечелюстного сустава, который, возможно, также является результатом травмы. Маловероятно, что данные травмы были боевыми, скорее они свидетельствуют о межличностной агрессии в популяции [Березина, 2023, с. 98].

У середины западной продольной стенки были расчищены беспорядочно лежавшие кости от трех левых передних ног овец (как минимум две из них были с лопатками). Кроме них в заполнении могилы было найдено надклювье птицы, относящейся к отряду курообразных, но эта находка, вероятно, более позднего происхождения и к погребальному ритуалу данного захоронения отношения не имеет. Вещевой погребальный инвентарь немногочисленный. Около левого коленного сустава индивида, рядом с овечьими костями, вертикально на донце стоял керамический сосуд (находка 1). С востока от костей животных на дне могилы лежали фрагменты железного предмета (находка 3), между стопами индивида и северной поперечной стенкой найден железный наконечник стрелы (находка 2).

1. Сосуд керамический безручный (корчагообразный сосуд по терминологии М.П. Абрамовой [1993]), сделан с использованием поворотного устройства. Дно слегка вогнутое, тулово округлое, горловина с дугообразным расширением в верхней части. Поверхность сосуда слабо лощенная, темно-серого цвета. Большая часть тулова закопчена. Под верхним краем венчика и по плечикам сосуд украшен парами параллельных горизонтальных круговых углубленных линий. Тулово сосуда орнаментировано девятью группами из трех пролощенных, слегка отклоненных от вертикального положения линий. В тесте заметны примесь шамота и включения известняка (рис. 6, 1–2). Высота сосуда – 27,8 см; диаметр дна – 9,8 см, тулова – 23,5 см, венчика по внешнему краю – 12,1 см.

2. Наконечник стрелы железный, небольшого размера, втульчатый, с трехлопастной пирамидальной головкой. Во втулке сохранились фрагменты дерева (рис. 6, 3). Длина наконечника – 3,3 см, в том числе головка – 2,0 см.

3. Фрагменты предмета железного, 3 шт. Один фрагмент представляет собой небольшой круглый в сечении стержень, заостренный на одном конце (рис. 6,4). Длина – 3,3 см, максимальный диаметр – 0,3 см. Два других фрагмента происходят от плоской (пластинчатой) части предмета. Меньший фрагмент бесформенный (1,1 × 1,2 × 0,4 см), больший (3,4 × 1,5 × 0,55 см) – вытянутой подтреугольной формы с закругленной зауженной частью. На обоих имеются остатки дерева (рис. 6,5). Возможно, фрагменты происходят от двух разных предметов: два пластинчатых – от одного (нож?), стержень – от другого (шило?).

Довольно скудный инвентарь погребения 4 заставляет сосредоточить внимание на керамическом сосуде (рис. 6,1–2). Данная разновидность керамики, названная М.П. Абрамовой «корчагообразными» сосудами и выделенная ею в тип 4, весьма характерна как для собственно сарматских, так и для аборигенных погребений Предкавказья III–I вв. до н.э. [Абрамова, 1993, с. 45, рис. 11]. Наиболее близки нашему сосуду по пропорциям (округлое, почти шаровидное тулово, короткое узкое горло и отогнутый наружу, оформленный валиком венчик) сосуды из предположительно Пятигорья, Моздока, окрестностей с. Новоселицкого (кург. 1, погр. 6) и Кабангорского склепа на окраине Кисловодска [Абрамова, 1993, рис. 11, 18, 20, 24, 28]. Первые два происходят не из полноценных комплексов. Новоселицкое погребение определено автором раскопок как сиракское и датировано в рамках III–I вв. до н.э. [Коренько, 1980, с. 100, рис. 2, 2]. Датировка Кабангорского склепа недавно уточнена до II–I вв. до н.э., и он, безусловно, относится к аборигенным памятникам Предкавказья сарматской эпохи [Березин, 2019, с. 35, 37].

Железные втульчатые трехгранные наколеники стрел, появляясь на Северном Кавказе еще в VI в. до н.э., продолжают существовать без особенных изменений вплоть до рубежа эр [Беглова, Эрлих, 2018, с. 154–155]. Возможно, это связано с удобной технологией изготовления предметов при помощи штампа [Эрлих, 2007, с. 348–351]. Поэтому более узкую дату для погребения 4, чем III–I вв. до н.э., на сегодняшний день указать нельзя.

Погребение 5. Могильная конструкция – яма вытянутой подовальной формы, длинной

осью ориентирована по линии З–В. Прослежена на глубину 0,6 м. Размеры по верхнему уровню фиксации – 2,3 × 0,9 м, по дну – 2,1 × 0,9 м. Вдоль восточной стенки ямы на высоте 0,25 м над уровнем дна имелась горизонтальная ступенька-уступ шириной 0,2 м. Дно могилы гладкое, с понижением с востока на запад и с юга на север. Северо-восточная часть ямы выкопана в заполнении погребения 4 (рис. 5).

На дне ямы расчищен фрагментированный скелет взрослого индивида (возраст – в границах 20–25 лет, пол – женский). Судя по сохранившимся костям, покойная была положена в могилу вдоль южной стенки в вытянутом на спине положении, головой на запад. Череп на момент расчистки располагался на затылочной части, руки выпрямлены и плотно прижаты к туловищу. Таз лежал плашмя на крестце. Ноги были вытянуты по оси туловища параллельно друг другу. Никаких тленов, пигментов или минеральных подсыпок в погребении, за исключением отдельных фрагментов дерева в заполнении, обнаружено не было.

Погребенную сопровождал многочисленный инвентарь. В ногах, с севера от левой ноги, стояли три керамических сосуда: миска (находка 1), кувшин (находка 2) и кружка (находка 3). Сосуды располагались один возле другого, над погребением 4. Внутри миски находились кости животного⁴ и железный нож (находка 4). В разных местах погребения, преимущественно над скелетом, были разбросаны мелкие фрагменты бронзового зеркала, разбитого до помещения в могилу (находка 5). У левого плеча и в районе анатомического положения правой стопы найдены две группы бус (находки 6 и 7 соответственно).

1. Миска керамическая гончарная (рис. 7,1). Большая, глубокая, с плоским ровным дном и резко расширяющимся кверху туловом. Венчик широкий, уплощенный, горизонтальный, закраиной выступает наружу и внутрь сосуда. Поверхность миски чернолощенная, орнаментированная. Венчик украшают 11 групп линейных вдавлений, в 10 случаях состоящих из четырех, а в одном – из трех поперечных венчику и параллельных друг другу линейных вдавлений. Внутри миски, на дне, двойной линией прочерчен крест, на стенках

видны отчетливые следы вертикального лощения. Тесто сосуда в изломе плотное, черного цвета, с включениями песка и мелких частиц известняка. Высота миски – 11,3 см; диаметр дна – 14,5 см, венчика (он же максимальный диаметр миски) – 35,4 см.

2. Кувшин керамический гончарный (рис. 8,1). Дно сосуда ровное, практически плоское, переход к тулову выделен четко. Тулово округлое, горло короткое, кверху слегка сужается. Венчик резко отогнут наружу, слива нет. К верхней части тулова с помощью прокола прикреплена широкая петлевидная ручка с защипом в верхней части. Поверхность кувшина слабо лощенная, темно-серого цвета. Большая часть тулова, особенно придонная его часть и дно, закопчены. На горле и плечиках имеются следы вертикального лощения. На тулове, по уровню крепления верхней части ручки, прочерчены две горизонтальные кольцевые линии, от них вниз нанесены косые вертикальные линии, сгруппированные в 11 групп, по три в каждой. Тесто сосуда плотное, грязно-серого цвета, с примесью песка, мелкого шамота и дресвы. Высота – 25,3 см; диаметр дна – 11,5 см, тулова – 23,1 см, венчика – 13,8 см. Длина ручки – 8,1 см.

3. Кружка керамическая гончарная (рис. 8,2). У сосуда короткая, слегка расширяющаяся кверху горловина и равномерно расширяющееся книзу тулово. Дно уплощенное, немного вогнуто в центре. К тулову сосуда с помощью проколов прикреплена массивная вертикальная ручка. На верхней части ее имеется крупный налп, придающий детали сильно стилизованные зооморфные очертания. Поверхность кружки слабо лощенная, темно-серого цвета. Горловина украшена горизонтальными пролощенными полосами, тулово – вертикальными и горизонтальными врезными линиями и отпечатками треугольного штампа. Тесто плотное, серо-коричневого цвета, с добавлением песка и мелких известковых частиц. Высота – 13,8 см; диаметр дна – около 9,0 см, тулова – 12,8 см, венчика – 9,2 см. Длина ручки – 7,5 см.

4. Нож железный черешковый, однолезвийный, вытянутой, слабо изогнутой серповидной формы (рис. 7,2). Черешок подпрямоугольной формы, к спинке переходит плавно, а переход к лезвию оформлен четко выраженным

уступом. Сечение лезвийной части клиновидное, черешка – подпрямоугольное. На черешке имеется древесный тлен. Длина ножа – около 13,2 см, в том числе черешка – 2,0 см.

5. Зеркало бронзовое (рис. 7,3). Из найденных фрагментов удалось собрать меньшую часть предмета. Зеркало было круглое, с боковой ручкой-штырем треугольной в плане формы. По краю тыльной стороны диска имеется уплощенный валик шириной 1,2 см. Вероятно, он был приварен уже на готовый диск. На нескольких фрагментах, предположительно отнесенных к зеркалу, имеется отчетливо различимый врезной линейный орнамент: вписанные дуги, «лепесток». Диаметр диска – 11,0 см, длина ручки – 1,7 см.

6. Бусы, 81 шт. (80 стеклянных и 1 гагатовая). Все они найдены около левого плеча индивида (рис. 9,1–14). Часть бусин располагались без видимого порядка на участке 0,25 × 0,15 м, часть – компактным скоплением под ними, на 1 см глубже.

Гагатовая бусина короткоцилиндрической формы (рис. 9,1). Длина – 0,35 см, диаметр – 0,7 см, диаметр отверстия – 0,2 см.

Среди стеклянных бус выделяются следующие типы.

Крупные бусы треугольной формы, 7 шт. (рис. 9,2). В поперечном сечении бусы прямоугольные, отверстия для подвешивания сделаны сбоку, в вершине треугольника. Все бусины прозрачные. Пять из них – бесцветные, две, меньшие по размерам и имеющие более четкие геометрические очертания, – цветные (светло-зеленая и синяя). Размеры самой крупной бесцветной бусины – 2,1 × 1,5 × 0,6 см, диаметр отверстия – 0,25 см. Размеры светло-зеленой бусины – 1,5 × 0,9 × 0,75 см, синей – 1,5 × 0,85 × 0,65 см, диаметр отверстий – 0,15 см.

Многоцветные бусы веретеновидной формы, 2 шт. (рис. 9,3). Полупрозрачные, из пяти цветных полос: центральная – синего цвета, по обе стороны от нее – белые, по краям – светло-зеленая и золотисто-желтая. Размеры самой крупной бусины: длина – 1,7 см, диаметр – 0,6 см, диаметр отверстия – 0,15 см.

Однотонные бусы веретеновидной формы, 2 шт. (рис. 9,4). Непрозрачные, грязно-серо-зеленого цвета. Одна бусина с утрата-

ми. Размеры целой бусины: длина – 1,35 см, диаметр – 0,5 см, диаметр отверстия – 0,15 см.

Ребристая бусина (рис. 9,5). Сделана из прозрачного желтовато-зеленого стекла. Поперечно сжатой бочковидной формы, поверхность разделена семью линиями на восемь долек. Дольки параллельны каналу отверстия, имеют мягкие очертания. Длина бусины – 0,8 см, диаметр – 1,5 см, размеры отверстия – $0,5 \times 0,7$ см.

Довольно крупные бусины усеченно-биконической формы, 2 шт. (рис. 9,6). Полупрозрачные, золотисто-желтого (янтарного) цвета. Размеры 1-й бусины – $0,5 \times 0,75$ см, диаметр отверстия – 0,3 см; размеры 2-й бусины – $0,6 \times 0,9$ см, диаметр отверстия – 0,3 см.

Сдавленная с боков округлая стеклянная бусина (рис. 9,7). На боках имеются два вдавления, параллельные каналу отверстия. Непрозрачная, основа – стекло синего цвета. Большая часть поверхности подверглась иридизации. Размеры бусины: длина – 1,1 см, толщина – 0,9 см, диаметр отверстия – 0,3 см.

Бусы вытянутой каплевидной формы с конической формы нижней частью, 3 шт. (рис. 9,8). Все имеют утраты. Полупрозрачные, основа – стекло янтарного цвета, украшенное узкими поперечными белыми полосками. Реконструированная длина – 1,8 см, диаметр – 0,8 см.

Бусы усеченно-биконической формы, 30 шт. (рис. 9,9). Большая часть их подверглась иридизации, первоначальный цвет удалось определить только у нескольких бусин: две были темно-синего, остальные – золотисто-желтого (янтарного) цвета. Размеры средней бусины: длина – 0,4 см, диаметр – 0,75 см, диаметр отверстия – 0,25 см.

Бочковидно-ребристая полупрозрачная бусина золотисто-желтого (янтарного) цвета (рис. 9,10). Длина – 0,7 см, диаметр – 0,75 см, диаметр отверстия – 0,25 см.

Бусина усеченно-конической формы (рис. 9,11). Цвет не определяется. Длина – 0,45 см, диаметр – 0,65 см, диаметр отверстия – 0,3 см.

Бусы бочковидной формы, 2 шт. (рис. 9,12). Цвет не определяется. Размеры практически одинаковые: длина – 0,6 см, диаметр – 0,75 см, диаметр отверстия – 0,3 см.

Бисер, 28 шт. (рис. 9,13). Разной формы: короткоцилиндрической, бочковидной, усеченно-биконической, конической. Первоначальный цвет из-за иридизации не устанавливается. Диаметр – 0,3–0,5 см.

7. Бусы стеклянные, 33 шт. (рис. 9,15–25). Найдены в районе анатомического положения правой стопы. Большая часть бусин при обнаружении лежали друг возле друга, в один-два ряда, образуя слабо изогнутую линию (ориентирована на ЗСЗ–ВЮВ).

Поверхность большинства бус подверглась иридизации. Среди них выделяются несколько типов.

Самая крупная бусина поперечно сжатой бочковидной формы (рис. 9,15). Непрозрачная. Основа – стекло синего цвета, по краям – две желтые полосы, в центре – волнистая белая. Длина – 0,9 см, диаметр – 1,0 см, диаметр отверстия – 0,35 см.

Бусина аналогичной формы, полупрозрачная, с внутренней позолотой (рис. 9,16). Длина – 0,65 см, диаметр – 0,85 см, диаметр отверстия – 0,3 см.

Бусина поперечно сжатой бочковидной формы (рис. 9,17). Прозрачная, бесцветная. Длина – 0,6 см, диаметр – 0,7 см, диаметр отверстия – 0,3 см.

Бусина продольно вытянутой бочковидной формы (рис. 9,18). Имеет утраты. Полупрозрачная, светло-коричневого цвета. Длина – 0,8 см, диаметр – 0,6 см, диаметр отверстия – 0,2 см.

Бусина короткоцилиндрической формы (рис. 9,19). Полупрозрачная, светло-желтого цвета. Длина – 0,4 см, диаметр – 0,45 см, диаметр отверстия – 0,2 см.

Бисерина короткоцилиндрической формы (рис. 9,20). Длина – 0,25 см, диаметр – 0,3 см, диаметр отверстия – 0,1 см.

Пронизи цилиндрической формы, 3 шт. (рис. 9,21). Полупрозрачные, светло-желтого цвета. Длина – 0,5–0,7 см, диаметр – 0,30–0,35 см, диаметр отверстий – 0,1 см.

Бусы поперечно сжатой бочковидной формы, 6 шт. (рис. 9,22). Полупрозрачные. Размеры средней бусины: длина – 0,4 см, диаметр – 0,7 см, диаметр отверстия – 0,35 см.

Бусы усеченно-биконической формы, 19 шт. (рис. 9,23–25). Большая часть – 17 шт. – со сглаженными гранями (рис. 9,24). Полу-

прозрачные, молочного и светло-желтого цветов. Размеры средней бусины: длина – 0,4 см, диаметр – 0,55 см, диаметр отверстия – 0,25 см.

Из погребения 5 происходит зеркало, по форме аналогичное зеркалу, найденному в погребении 3, но имеющее на оборотной стороне резной орнамент в виде розетки, окруженной концентрическими кругами (рис. 7,3). Эта разновидность зеркал довольно редка, но не уникальна. Подобные находки известны как в сарматской метрополии, где прочно увязываются с раннесарматской (прохоровской) культурой [Мошкова, 1963, с. 42, табл. 28,19], так и в памятниках Предкавказья [Абрамова, 1993, с. 93–95, рис. 31,4,6]. Оба предкавказских зеркала с розеткой происходят из Нижне-Джулатского могильника, погребений 46 и 58 [Абрамова, 1972, с. 53–55]. Первоначально эти погребения были датированы I в. до н.э. – I в. н.э. [Абрамова, 1972, с. 16], но позже, в связи с передатированием фибул среднелатенской схемы, время их совершения было отнесено ко II–I вв. до н.э. [Абрамова, 1983, с. 37–38].

В погребении 5 была обнаружена выразительная коллекция керамической посуды – полный столовый набор: блюдо / миска, кружка и кувшин (рис. 7,1, 8). Крупная керамическая миска / блюдо относится к типу 2 мисок, выделенному М.П. Абрамовой для III–I вв. до н.э. [Абрамова, 1993, с. 52–53, рис. 14,23–43]. Они характеризуются отогнутым наружу краем венчика, зачастую образующего горизонтальную площадку. На последней часто нанесены группы пролощенных полосок. Соляные знаки на дне встречаются, хотя и не часто. Полной аналогией нашему сосуду является блюдо из погребения 12 кургана 4 из раскопок Н.Я. Мерперта в 1959 г. у ст. Мекенской в Чечне [Виноградов, 1963, с. 41, рис. 12]. Это захоронение содержит аналогичный комплект посуды (миска, кружка, кувшин) и датируется в рамках III – начала I в. до н.э.

В свое время М.П. Абрамова отмечала трудность создания типологии для кувшинов Предкавказья III–I вв. до н.э. из-за нестандартности и разнообразия форм [Абрамова, 1993, с. 40]. Наш кувшин, скорее всего, можно отнести к типу 3 созданной ею типологии, хотя имеются существенные отличия в виде очень короткой горловины и резко отогнутого наружу венчика. В то же время кружка, на-

против, является очень типичной, особенно для Чегемского кургана-кладбища и Нижне-Джулатского могильника, относясь к варианту «б» типа 1 данной категории посуды [Абрамова, 1993, с. 47, рис. 13,11–19]. Кружка из погребения 5 по форме, орнаменту, зооморфной трактовке ручки наиболее близка кружке из могилы 29 Чегемского кургана-кладбища [Керефов, 1985, с. 146, рис. 10,10]. Это захоронение отнесено автором раскопок к группе погребений II–I вв. до н.э. [Керефов, 1985, с. 183].

Остальные предметы инвентаря, в первую очередь бусы, имеют обширный хронологический диапазон бытования и не могут существенно повлиять на датировку захоронения. Некоторые данные для уточнения хронологии дает форма железного ножа (рис. 7,2). Ножи с изогнутой режущей кромкой обычны на Кавказе с начала эпохи раннего железа, продолжая традиции бронзовых ножей предшествующего периода [Козенкова, 1998, с. 7–12, табл. 1]. В последние века до н.э. ножи с прямой и изогнутой режущей кромкой существовали параллельно [Абрамова, 1993, рис. 26,1–11], а после рубежа н.э. вторые практически вышли из употребления [Абрамова, 1993, рис. 57,57–61]. Таким образом, наиболее вероятная дата погребения 5 находится в диапазоне конца III – I в. до н.э., скорее всего II–I вв. до н.э.

Результаты и обсуждения

Основные черты погребального обряда рассматриваемой группы довольно единообразны. Все захоронения впускные в более ранний курган, в двух случаях форма могилы – грунтовая яма, в одном – вероятно, катакомба типа 2 по К.Ф. Смирнову [Смирнов, 1972, с. 74–75, рис. 1]. Погребенные лежат вытянуто на спине, в двух случаях (погр. 3 и 5) головой на запад, в одном (погр. 4) – на юго-запад. Каких-либо манипуляций с конечностями не отмечено. Все эти детали полностью укладываются в погребальный комплекс предкавказских сарматских курганных погребений, подробно рассмотренный М.П. Абрамовой [Абрамова, 1993, с. 33–37]. Наиболее вероятна связь данных захоронений с сарматами сиракского племенного союза, о чем

одному из авторов уже доводилось писать [Березин, 2010, с. 47].

Важным является также географическое расположение исследованных захоронений. В свое время, очерчивая территорию сиракского союза племен и говоря о ее южной границе, В.Б. Виноградов ограничился общей фразой: «...до горных хребтов на юге...» [Виноградов, 1963, с. 69]. М.П. Абрамова, сомневаясь в сиракской принадлежности сарматских погребений Центрального Предкавказья, определила южную границу их расселения так: «...граница равнин и предгорий» [Абрамова, 1993, с. 100]. Исследования последних десятилетий, как нам представляется, позволили выявить эту границу в центральной части Предкавказья. Наиболее южные сарматские погребения располагаются примерно по линии Суворовская – Эссентуки – Пятигорск – пос. Прогресс (на границе Ставропольского края и КБР) и далее в направлении г. Нальчика [Березин С., Березин Я., 2020, с. 48]. Все исследованные погребальные памятники южнее этой линии демонстрируют совершенно иной обряд захоронений в грунтовых могилах, коллективных склепах и каменных ящиках [Керефов, 1988, с. 16–22; Березин С., Березин Я., 2020, с. 48].

Любопытны некоторые микродетали обряда исследуемых погребений. Мел на дне погребения 3 относится к довольно редкой черте заупокойного обряда подкурганых сарматских захоронений Предкавказья. По данным М.П. Абрамовой, он встречен всего в 8,4 % известных ей могил [Абрамова, 1993, с. 37]. Покрытие дна погребения органическим материалом (береста, войлок, камышовая циновка) встречается достаточно часто [Абрамова, 1993, с. 36]. Вероятно, разновидностью этого можно считать и выявленное нами покрытие дна погребения 3 прутьями (ветки деревьев, кустарника?).

В погребениях 3 и 4 в качестве заупокойной пищи были положены по три левых передних ноги овцы. Сам факт наличия в сарматском захоронении костей мелкого рогатого скота, обычно передней ноги с лопаткой, реже с ребрами, довольно тривиален, но наличие двух таких неординарных наборов в соседних погребениях интересно. Точных аналогий данному факту в Предкавказье нам най-

ти не удалось, но подобные факты для сарматских захоронений других территорий известны, хотя и не были предметом специального рассмотрения. Во время раскопок 1992–1994 гг. курганных могильников Покровка 1 и Покровка 8 на западе Оренбургской области в 68 погребениях савроматского и раннесарматского времени было зафиксировано шесть подобных случаев [Яблонский, 1995, с. 5–6; Косинцев, 1995, с. 81–82, 89, 91]. Количество одинаковых костей, принадлежащих разным особям мелкого рогатого скота, в одном погребении колебалось от двух до шести. Обнаружение в погребениях 3 и 4 описываемого кургана необычных по составу наборов костей позволяет предположить, что они принадлежали членам одной семьи или рода, в которых поддерживалась именно такая погребальная традиция.

Отметим также, что все три захоронения и связанное с ними скопление 1 располагались очень компактно в центральной части кургана. И хотя погребение 4 явно было нарушено при сооружении погребения 5, большого хронологического разрыва между ними нет.

Заключение

Найденные в кургане 1 могильника Воинючка-1 три одиночных сарматских захоронения можно рассматривать как небольшое родовое кладбище, созданное, скорее всего, при жизни одного поколения. Местом упокоения был выбран курган эпохи бронзы, что являлось распространенной практикой в сарматской среде Предкавказья. Общая датировка этих захоронений и сопутствующей им тризны укладывается в рамки III (возможно, II) – I вв. до н.э. Высока вероятность связи этих захоронений с сиракским племенным союзом, причем расположено данное кладбище на южной границе занимаемой им территории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы «Антропология евразийских популяций (биологические аспекты)» (№ ЦИТИС: АААА-А19-119013090163-2).

The work was carried out within the framework of the topic “Anthropology of Eurasian Populations (Biological Aspects)” (№ ЦИТИС: АААА-А19-119013090163-2).

² Подробная антропологическая характеристика найденных в сарматских захоронениях кургана 1 могильника Вонючка-1 костных останков индивидов имеется в статье Н.Я. Березиной [Березина, 2023].

³ Определения костей животных, приведенные в данной статье, сделаны в камеральных условиях А.К. Швыревой, кандидатом биологических наук, старшим научным сотрудником Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Паве.

⁴ Кости очень плохой сохранности, на определение их взять не удалось.

ПРИЛОЖЕНИЯ

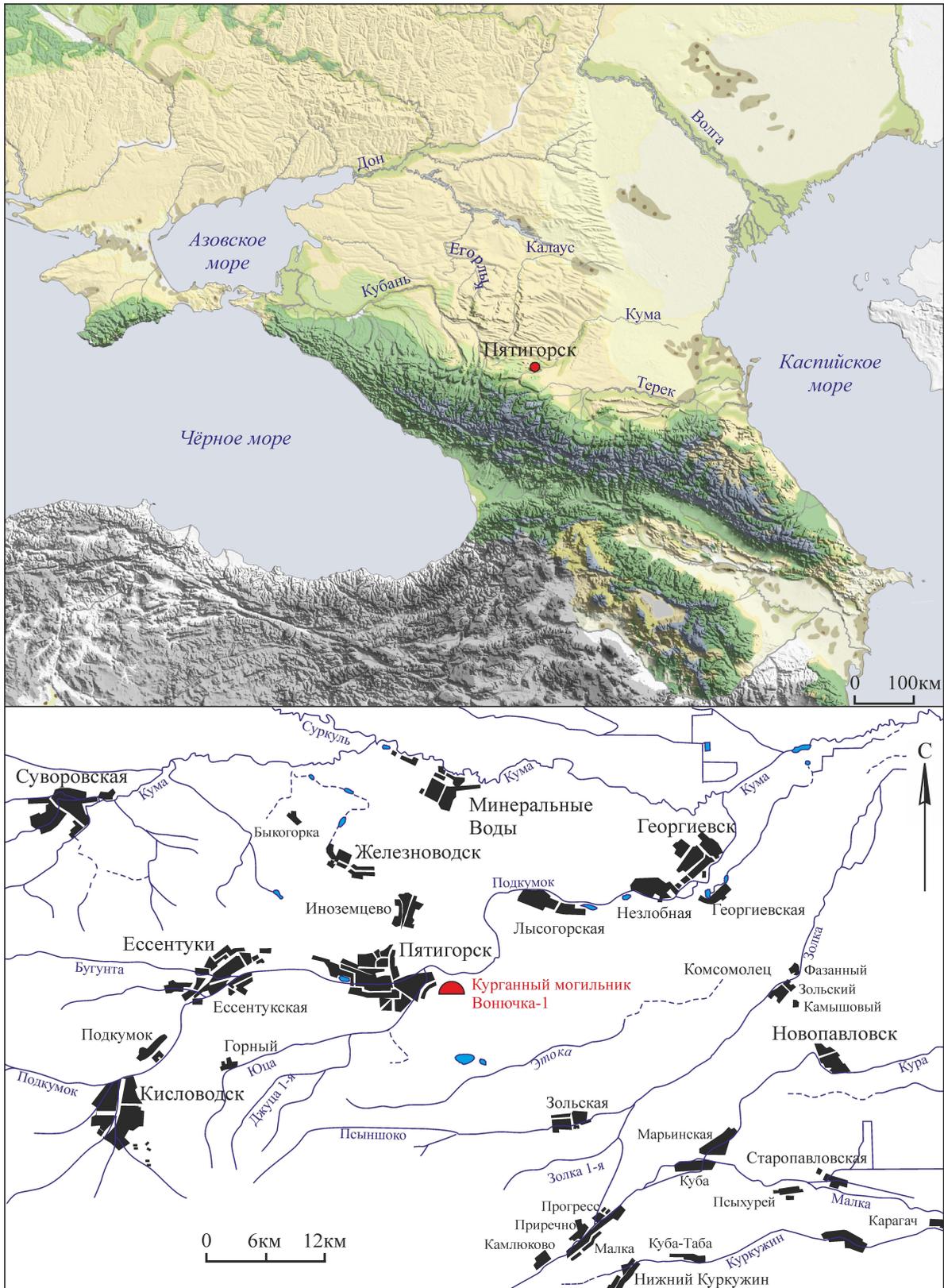

Рис. 1. Местоположение курганного могильника Вонючка-1

Fig. 1. The location of the kurgan cemetery Voniuchka-1

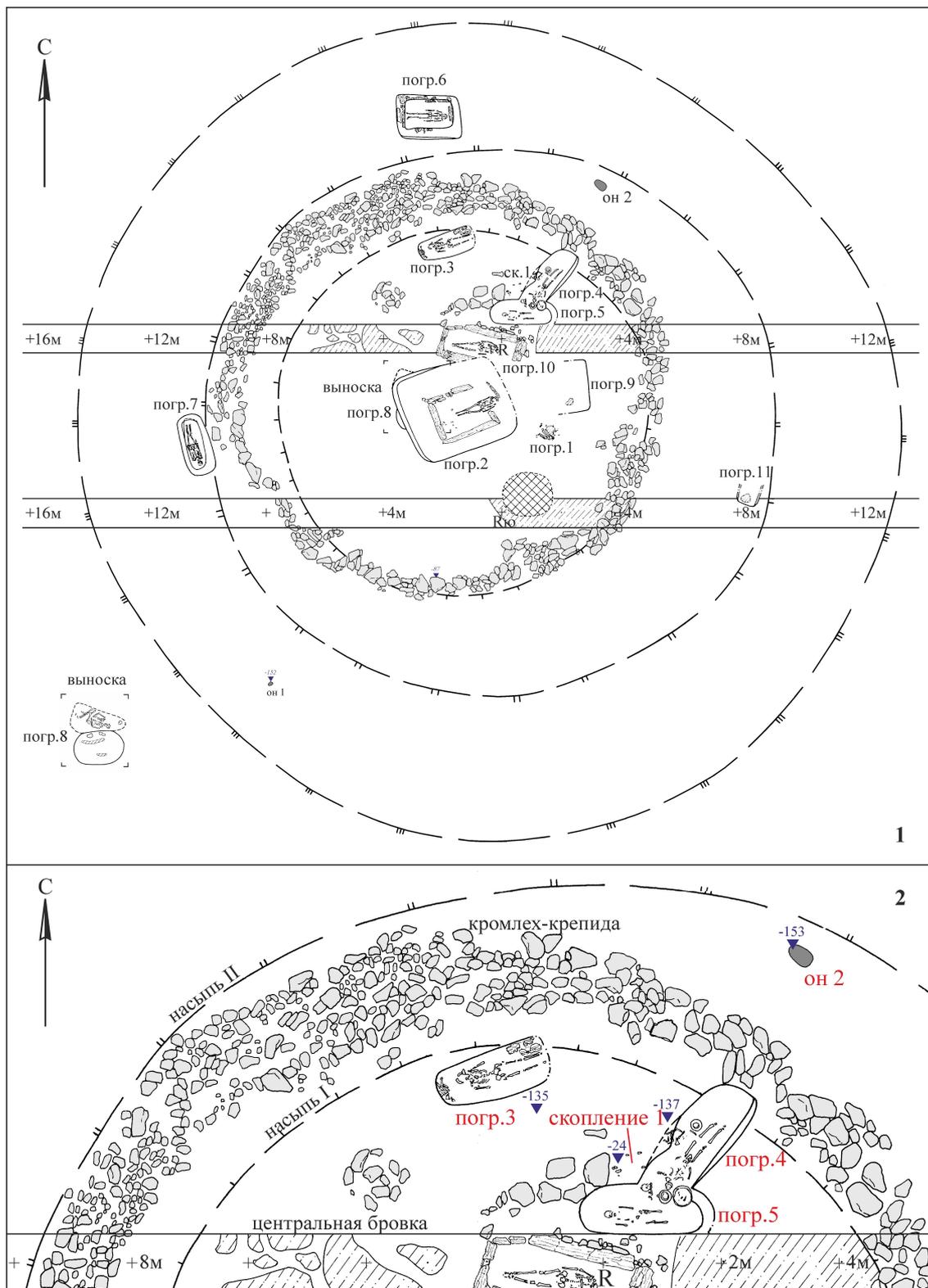

Рис. 2. Курганный могильник Вонючка-1, курган 1 (чертежи А.А. Калмыкова):

1 – общий план кургана; 2 – деталь общего плана кургана с расположением погребений и находок раннего железного века

Fig. 2. The kurgan cemetery Voniuchka-1, kurgan 1 (the plans by A.A. Kalmykov):

1 – general plan of the kurgan; 2 – detail of the general plan of the kurgan with the location of burials and finds of the Early Iron Age

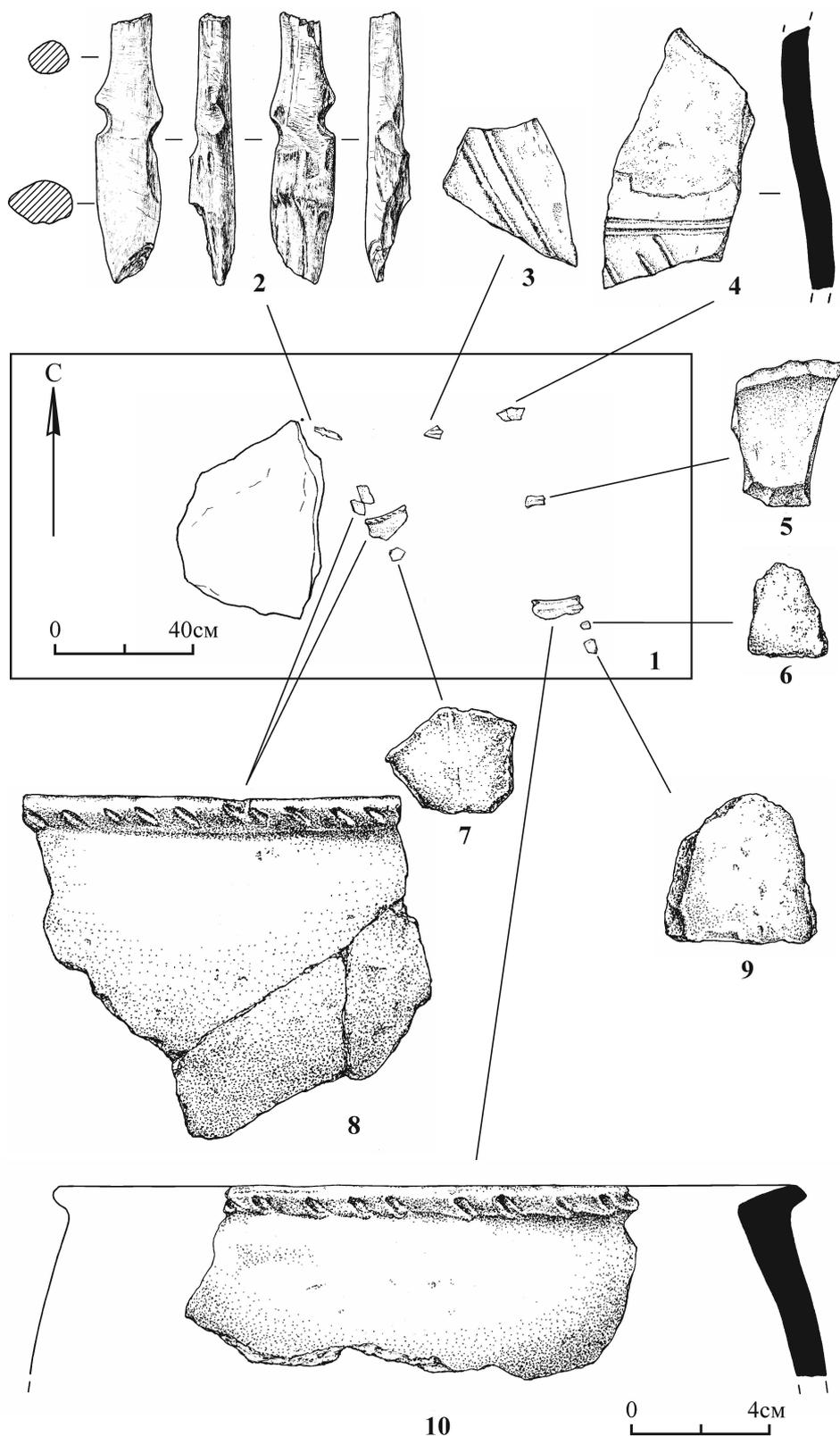

Рис. 3. Курганный могильник Вонючка-1, кург. 1, скопление 1 (рисунки М.М. Хитеевой):

1 – план; 2–10 – находки

Fig. 3. The kurgan cemetery Voniuchka-1, kurgan 1, cluster 1 (drawings by M.M. Khiteeva):

1 – plan; 2–10 – finds

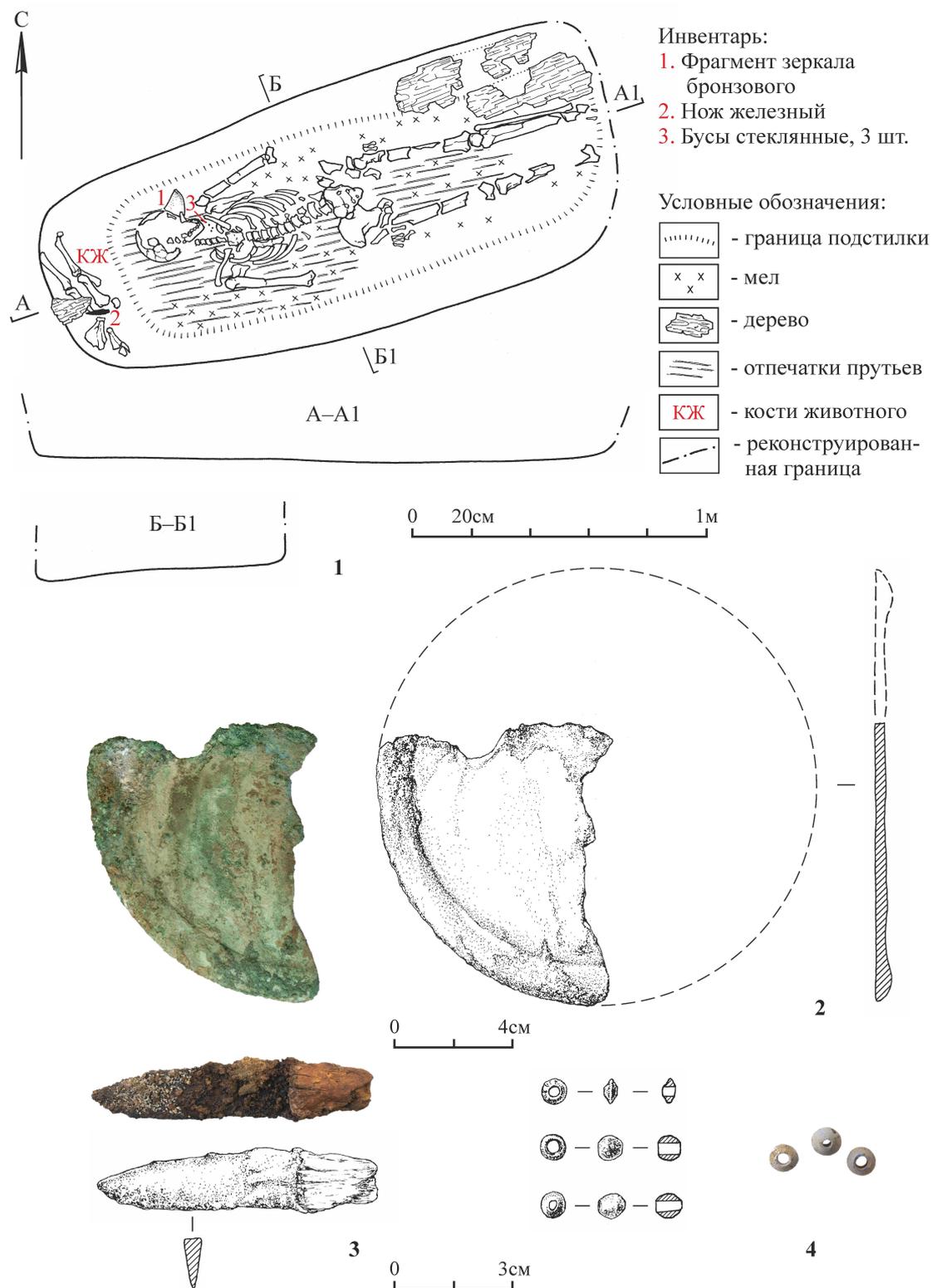

Рис. 4. Курганный могильник Вонючка-1, кург. 1, погр. 3 (чертежи и фото А.А. Калмыкова, рисунки М.М. Хитеевой):

1 – план и разрезы; 2 – фрагмент зеркала бронзового; 3 – нож железный; 4 – бусы стеклянные

Fig. 4. The kurgan cemetery Voniuchka-1, kurgan 1, burial 3 (plans and photos by A.A. Kalmykov, drawings by M.M. Khiteeva):

1 – plan and sections; 2 – fragment of a bronze mirror; 3 – iron knife; 4 – glass beads

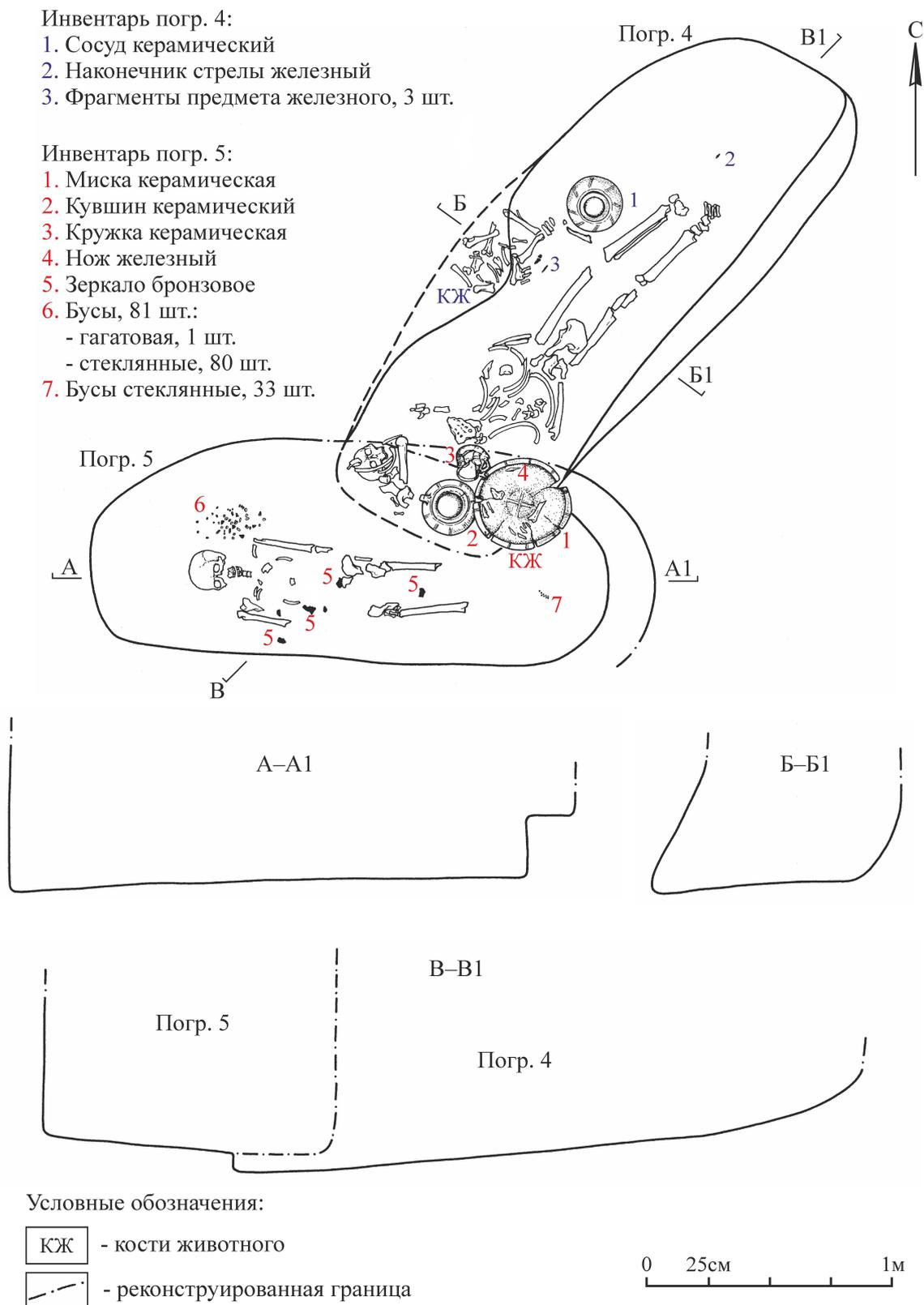

Рис. 5. Курганный могильник Вонючка-1, кург. 1, погр. 4 и 5 (чертежи А.А. Калмыкова): планы и разрезы
 Fig. 5. The kurgan cemetery Voniuchka-1, kurgan 1, burials 4 and 5 (the plans by A.A. Kalmykov): plans and sections

Рис. 6. Курганный могильник Вонючка-1, кург. 1, погр. 4 (рисунки М.М. Хитеевой, фото А.А. Калмыкова):

1–2 – сосуд керамический; 3 – наконечник стрелы железный; 4–5 – фрагменты предмета / предметов железных

Fig. 6. The kurgan cemetery Voniuchka-1, kurgan 1, burial 4
(drawings by M.M. Khiteeva, photos by A.A. Kalmykov):

1–2 – ceramic vessel; 3 – iron arrowhead; 4–5 – fragments of an object / objects of iron

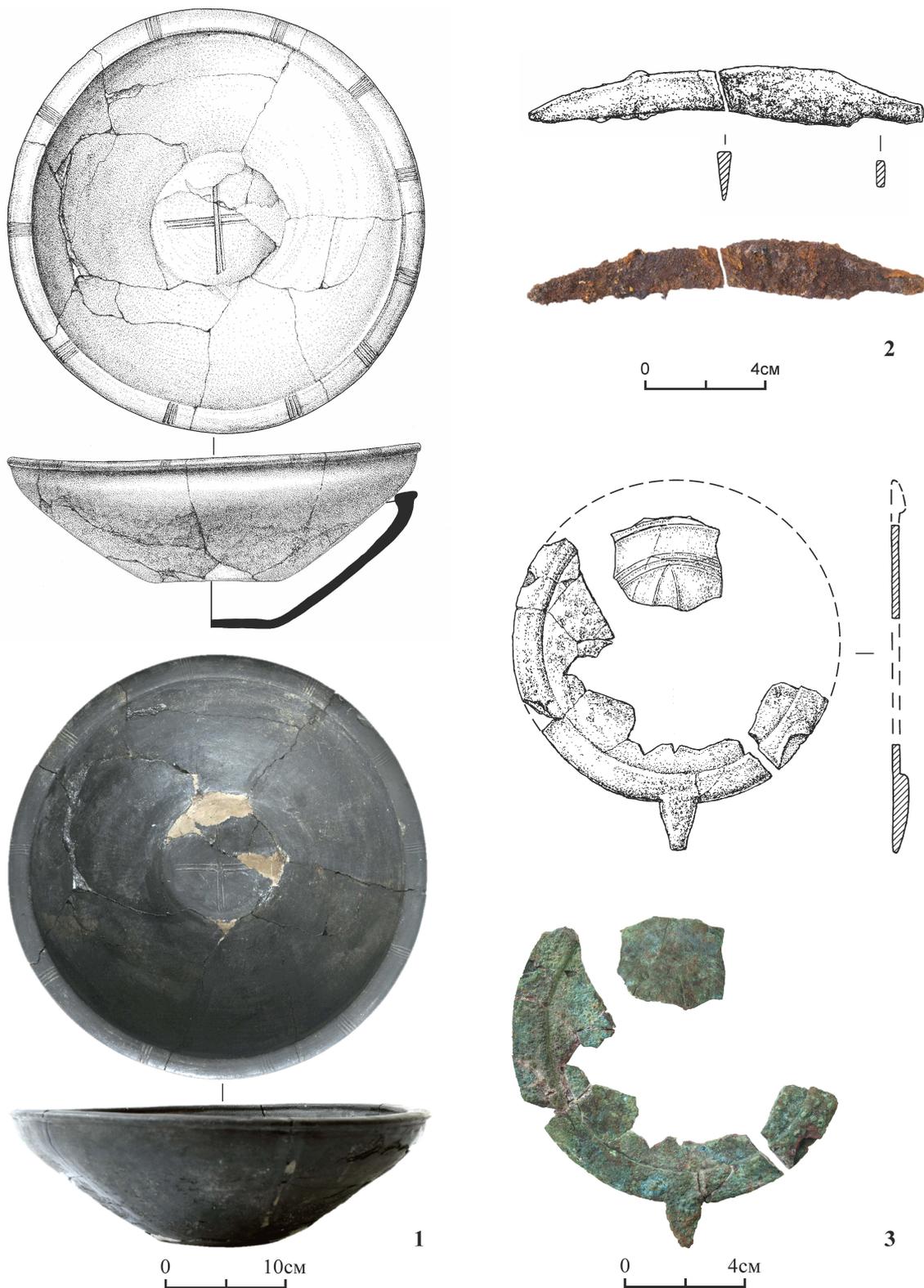

Рис. 7. Курганный могильник Вонючка-1, кург. 1, погр. 5 (рисунки М.М. Хитеевой, фото А.А. Калмыкова):

1 – миска керамическая; 2 – нож железный; 3 – зеркало бронзовое

Fig. 7. The kurgan cemetery Voniuchka-1, kurgan 1, burial 5 (drawings by M.M. Khiteeva, photos by A.A. Kalmykov):

1 – ceramic bowl; 2 – iron knife; 3 – bronze mirror

Рис. 8. Курганный могильник Вонючка-1, кург. 1, погр. 5 (рисунки М.М. Хитеевой, фото А.А. Калмыкова):

1 – кувшин керамический; 2 – кружка керамическая

Fig. 8. The kurgan cemetery Voniuchka-1, kurgan 1, burial 5 (drawings by M.M. Khiteeva, photos by A.A. Kalmykov):

1 – ceramic jug; 2 – ceramic mug

Рис. 9. Курганный могильник Вонючка-1, кург. 1, погр. 5 (рисунки М.М. Хитеевой, фото А.А. Калмыкова):

1 – бусина гагатовая; 2–25 – бусы стеклянные (1–14 – находка 6; 15–25 – находка 7)

Fig. 9. The kurgan cemetery Voniuchka-1, kurgan 1, burial 5 (drawings by M.M. Khiteeva, photos by A.A. Kalmykov):

1 – jet bead; 2–25 – glass beads (1–14 – find 6; 15–25 – find 7)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П., 1972. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик : Эльбрус. 75 с.
- Абрамова М. П., 1983. О хронологии ранней группы погребений Нижне-Джулатского могильника // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 176. С. 34–39.
- Абрамова М. П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 2. М. : ИА РАН. 240 с.
- Беглова Е. А., Эрлих В. Р., 2018. Меоты Закубанья в сарматское время. М. ; СПб. : Нестор-История. 384 с.
- Березин Я. Б., 2010. Сарматские погребения на территории Среднего Притеречья (по материалам раскопок 1980-х годов) // Археологический журнал. Вып. III–IV. С. 32–50.
- Березин Я. Б., 2019. Кабан-горский археологический комплекс // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 17. Армавир ; Краснодар : Наследие Кубани. С. 30–50.
- Березин С. Я., Березин Я. Б., 2020. Погребения эпохи раннего железа из курганного могильника Прогресс-2 на реке Малка // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 10. Нальчик : Ин-т гуманитар. исслед. Кабардино-Балкар. науч. центра РАН. С. 42–58.
- Березин Я. Б., Колесниченко К. Б., 2009. Знаки на керамике сарматского времени с поселения «Георгиевская станица-2» // Историко-археологический альманах. Вып. 9. Армавир ; Краснодар ; М. : ИА РАН. С. 53–57.
- Березина Н. Я., 2023. Антропологические материалы из погребальных комплексов сарматского времени (могильник Вонючка-1, Кавказские Минеральные Воды) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. Вып. 2. С. 92–101. DOI: <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2023.2.092-101>
- Виноградов В. Б., 1963. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный. 222 с.
- Калмыков А. А., 2010. Отчет о раскопках кургана на Кавказских Минеральных Водах в 2010 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 39981, 39982.
- Керефов Б. М., 1985. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик : Эльбрус. С. 135–259.
- Керефов Б. М., 1988. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик : Эльбрус. 214 с.
- Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. Свод археологических источников. Вып. В2-5. М. : ИА РАН. 200 с.
- Кореневский С. Н., Березина Н. Я., Березин Я. Б., Грески Ю., 2019. Новые погребения протоямной культуры на Ставрополье // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. Сборник к 90-летию Р.М. Мунчаева. М. : ИА РАН. С. 155–178.
- Кореняко В. А., 1980. Погребение сарматского времени в кургане у с. Новоселицкое в Ставропольском крае // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 162. С. 96–101.
- Косинцев П. А., 1995. Костные останки животных из могильников Покровка 1, 2 и 8 // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М. : ИА РАН. С. 79–99.
- Малашев В. Ю., 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М. : ИА РАН. 208 с.
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар : Кубан. госун-т. 336 с.
- Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. Свод археологических источников. Вып. Д1-10. М. : Изд-во АН СССР. 47 с.
- Охонько Н. А., 1988. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 15–16. Ставрополь : Ставропольское кн. изд-во. С. 243–291.
- Смирнов К. Ф., 1972. Сарматские катакомбные погребения южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Советская археология. № 1. С. 73–81.
- Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // Советская археология. № 4. С. 58–71.
- Эрлих В. Р., 2007. Железные наконечники стрел из Прикубанья: проблемы типологии и технологии // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Материалы и исследования по археологии России. Вып. 8. М. : ИА РАН : Таус. С. 344–356.

- Яблонский Л. Т., 1995. Раскопки курганов на юге Оренбургской области // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М. : ИА РАН. С. 5–8.
- Gresky J., Batieva E., Kitova A., Kalmykov A., Belinskiy A., Reinhold S., Berezina N., 2016. New Cases of Trepanations from the 5th to 3rd Millennia BC in Southern Russia in the Context of Previous Research: Possible Evidence for a Ritually Motivated Tradition of Cranial Surgery? // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 160, № 4. P. 665–682. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.22996>

REFERENCES

- Abramova M.P., 1972. *Nizhne-Dzhulatskiy mogil'nik* [Nizhne-Dzhulatskiy Cemetery]. Nalchik, El'brus Publ. 75 p.
- Abramova M.P., 1983. O khronologii ranney gruppy pogrebeniy Nizhne-Dzhulatskogo mogil'nika [On the Chronology of the Early Group of Burials of the Nizhne-Dzhulatskiy Cemetery]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 176, pp. 34-39.
- Abramova M.P., 1993. Tsentral'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.) [Central Ciscaucasia in the Sarmatian Time (3rd Century BC – 4th Century AD)]. *Arkheologiya epohi velikogo pereseleniya narodov i rannego srednevekov'ya* [Archaeology of the Era of the Great Migration of Peoples and the Early Middle Ages], iss. 2. Moscow, IA RAS. 240 p.
- Beglova E.A., Erlih V.R., 2018. *Meoty Zakuban'ya v sarmatskoe vremya* [Meots of the Trans-Kuban Region in the Sarmatian Time]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-History. 384 p.
- Berezin Ya.B., 2010. Sarmatskie pogrebeniya na territorii Srednego Priterech'ya (po materialam raskopok 1980-h godov) [Sarmatian Burials on the Territory of the Middle Terek Region (Based on Materials from Excavations in the 1980s)]. *Arheologicheskiy zhurnal* [Archaeological Journal], iss. III–IV, pp. 32-50.
- Berezin Ya.B., 2019. Kaban-gorskiy arheologicheskiy kompleks [Kabangorskiy Archaeological Complex]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research in Archeology of the North Caucasus], iss. 17. Armavir, Krasnodar, Kuban Heritage, pp. 30-50.
- Berezin S.Ya., Berezin Ya.B., 2020. Pogrebeniya ehpkhi rannego zheleza iz kurgannogo mogil'nika Progress-2 na reke Malka [Burials of the Early Iron Age from the Progress-2 Cemetery on the Malka River]. *Arkheologiya i ehtnologiya Severnogo Kavkaza* [Archaeology and Ethnology of the North Caucasus], iss. 10. Nalchik, Institute for Humanitarian Research KBSC RAS, pp. 42-58.
- Berezin Ya.B., Kolesnichenko K.B., 2009. Znaki na keramike sarmatskogo vremeni s poseleniya «Georgievskaya stanitsa-2» [Signs on Sarmatian Ceramics from the Settlement “Georgievskaya Stanitsa-2”]. *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh* [Historical and Archaeological Almanac], iss. 9. Armavir, Krasnodar, Moscow, IA RAS, pp. 53-57.
- Berezina N.Ya., 2023. Antropologicheskie materialy iz pogrebal'nykh kompleksov sarmatskogo vremeni (mogil'nik Vonyuchka-1, Kavkazskie Mineral'nye Vody) [Anthropological Materials from the Burial Complexes of the Sarmatian Period (Vonyuchka-1 Cemetery, Caucasian Mineral Waters Region)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin, Series XXIII, Anthropology], iss. 2, pp. 92-101. DOI: <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2023.2.092-101>
- Vinogradov V.B., 1963. *Sarmaty Severo-Vostochnogo Kavkaza* [Sarmatians of the North-Eastern Caucasus]. Grozny. 222 p.
- Kalmykov A.A., 2010. Otchyot o raskopkah kurgana na Kavkazskikh Mineral'nykh Vodakh v 2010 godu [Report on the Excavation of the Kurgan at the Caucasian Mineralnye Vody in 2010]. *Archive IA RAN*, R-1, no. 39981, 399882.
- Kerefov B.M., 1985. Chegemskiy kurgan-kladbishche sarmatskogo vremeni [Chegem Kurgan-Cemetery of the Sarmatian Period]. *Arheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii* [Archaeological Research on Construction Sites in Kabardino-Balkaria], vol. 2. Nalchik, El'brus Publ., pp. 135-259.
- Kerefov B.M., 1988. *Pamyatniki sarmatskogo vremeni Kabardino-Balkarii* [Sites of the Sarmatian Period of Kabardino-Balkaria]. Nalchik, El'brus Publ. 214 p.
- Kozenkova V.I., 1998. *Material'naya osnova byta kobanskiykh plemyon. Zapadnyy variant* [The Material Basis of the Life of the Koban Tribes. Western Variant]. Svod arkheologicheskikh istochnikov, iss. B2-5. Moscow, IA RAS. 200 p.
- Korenevskiy S.N., Berezina N.Ya., Berezin Ya.B., Greski Yu., 2019. Novye pogrebeniya protoyamnoy kul'tury na Stavropol'e [New Burials of the Proto-Yamnaya Culture in the Stavropol Region]. *Gory Kavkaza i*

- Mesopotamskaya step' na zare bronzovogo veka. Sbornik k 90-letiyu R.M. Munchaeva* [Mountains of the Caucasus and the Mesopotamian Steppe at the Dawn of the Bronze Age. Collection of Articles for the 90th Anniversary of R.M. Munchaev]. Moscow, IARAS, pp. 155-178.
- Korenyako V.A., 1980. Pogrebenie sarmatskogo vremeni v kurgane u s. Novoselickoe v Stavropol'skom krae [Burial of the Sarmatian Time in a Kurgan Near the Village Novoselitskoye in the Stavropol Region]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 162, pp. 96-101.
- Kosintsev P.A., 1995. Kostnye ostanki zivotnykh iz mogil'nikov Pokrovka 1, 2 i 8 [Bone Remains of Animals from Cemeterys Pokrovka 1, 2 and 8]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Kurgan of the Left-Bank Ilek], iss. 3. Moscow, IARAS, pp. 79-99.
- Malashev V.Yu., 2016. *Pamyatniki srednesarmatskoy kul'tury severokavkazskikh stepey i ih traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n.e.* [Sites of the Middle Sarmatian Culture of the North Caucasian Steppes and Their Traditions in the Kurgans of the North-Eastern Caucasus in the Second Half of the 2nd – the Middle of the 5th Centuries AD]. Moscow, IARAS. 208 p.
- Marchenko I.I., 1996. *Siraki Kubani* [Siraki of Kuban']. Krasnodar, Kuban State University. 336 p.
- Moshkova M.G., 1963. *Pamyatniki prokhorovskoy kul'tury* [Monuments of Prokhorovka Culture]. Svod arkheologicheskikh istochnikov, iss. Д1-10. Moscow, USSRAS. 47 p.
- Ohon'ko N.A., 1988. Arheologicheskie pamyatniki Stavropol'skoy vozvysheynosti i voprosy zaseleniya Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v drevnosti i srednevekov'e [Archaeological Sites of the Stavropol Upland and Issues of Settlement of the Central Ciscaucasia in Antiquity and the Middle Ages]. *Materialy po izucheniyu Stavropol'skogo kraya* [Materials for the Study of the Stavropol Region], iss. 15-16. Stavropol', Stavropol'skoe kn. izd-vo Publ., pp. 243-291.
- Smirnov K.F., 1972. Sarmatskie katakombnye pogrebeniya yuzhnogo Priural'ya – Povolzh'ya i ih otnoshenie k katakombam Severnogo Kavkaza [Sarmatian Catacomb Burials of the Southern Urals – Volga Region and Their Relationship to the Catacombs of the North Caucasus]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 1, pp. 73-81.
- Hazanov A.M., 1963. Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal [Genesis of Sarmatian Bronze Mirrors]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 4, pp. 58-71.
- Erlih V.R., 2007. Zheleznye nakonechniki strel iz Prikuban'ya: problemy tipologii i hronologii [Iron Arrowheads from the Kuban Region: Problems of Typology and Chronology]. *Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke* [The North Caucasus and the World of Nomads in the Early Iron Age.]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Rossii*, iss. 8. Moscow, IARAS, Taus Publ., pp. 344-356.
- Yablonskiy L.T., 1995. Raskopki kurganov na yuge Orenburgskoy oblasti [Excavations of Kurgans in the South of the Orenburg Region]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Kurgans of the Left-Bank Ilek], iss. 3. Moscow, IARAS, pp. 5-8.
- Gresky J., Batieva E., Kitova A., Kalmykov A., Belinskiy A., Reinhold S., Berezina N., 2016. New Cases of Trepanations from the 5th to 3rd Millennia BC in Southern Russia in the Context of Previous Research: Possible Evidence for a Ritually Motivated Tradition of Cranial Surgery? *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 160, no. 4, pp. 665-682. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.22996>

Information About the Authors

Yakov B. Berezin, Researcher, Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya St, 11, 125009 Moscow, Russian Federation, yakov_berezin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0417-4668>

Aleksei A. Kalmykov, Independent Researcher, Stavropol, Russian Federation, kalmykov_a_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-5544>

Информация об авторах

Яков Борисович Березин, научный сотрудник, НИИ и Музей антропологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, 125009 г. Москва, Российская Федерация, yakov_berezin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0417-4668>

Алексей Анатольевич Калмыков, независимый исследователь, г. Ставрополь, Российская Федерация, kalmykov_a_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-5544>